

Марко Вовчок

Катерина

Марко Вовчок

Катерина

«Public Domain»

1859

Вовчок М.

Катерина / М. Вовчок — «Public Domain», 1859

«Не нажить уж нам такой знахарки, как покойная Даниловна! Сколько людей за нее бога молят! Кто ее знал – благословляет, и кто только слышал про нее – и тот благословляет. Так уж из рода в род ей почет идет...»

Марко Вовчок

Катерина

I

Не нажить уж нам такой знахарки, как покойная Даниловна! Сколько людей за нее бога молят! Кто ее знал – благословляет, и кто только слышал про нее – и тот благословляет. Так уж из рода в род ей почет идет.

А я-то ведь выросла вместе с нею. Она была из чужой стороны к нам завезена. Досталась нашему барину где-то далеко вотчина, вот и поехали они с барыней, пробыли там месяца два и привезли с собой оттуда девочку Катю, сиротку, так лет десяти. Чудна показалась нам та девочка: не то чтобы приласкаться, ступить она не умеет, в платье путается, а говорит как-то мудро, не по-нашему.

Нас у барыни целая орда девчонок была: мы, бывало, и смеемся между собой: какую это диковину нам привезли! Расспрашиваем у ней о том, о сем, – она только пугливо осматривается; рассказать ничего не хочет. А уж как окружим ее да пристанем крепко, – она вырвется от нас, или станет да руки себе ломает.

Бывало, барыня в гости поедет, – мы ее кличем погулять, побегать с собою; не идет с нами, а бежит одна к курганчику, что под лесом; там сядет и сидит. И звала она тот курганчик могилою; мы ее заверяем: «Не могила это: тут никто не хоронен». А она нам: «Могила!» – и рукою поведет по тому курганчику, и опять – могила, да и все тут. Смеялись мы, смеялись, да после и сами прозвали курган могилою.

А нас все дичится; мы ее и ласкали, и голубили, а там и досадно нам стало, что за наш привет нет от нее никакой ласки, – и стали мы ее гнать да гнать. Глупые были мы дети, нежалостливые!

II

Приметили мы, что она каждый вечер ускользнет в барынину спальню и сидит там, еще и дверь притворит; а чуть заслышит, что господа из гостиной идут, выбежит. «Что она там делает?» – думаем. И сговорились мы: подкрадемся да посмотрим. Так и сделали.

И видим мы – горит в спальне лампадка перед образами и светит в окно полный месяц, а Катя сидит на полу, спустила с одной руки платье и рассматривает рукав на рубашке (а у нее были такие рубашки со своей стороны привезены, что рукава вышиты и расстрочены не по-нашему), рассматривает да так задумалась-задумалась... только изредка слезинка скатится по щеке. И лампада на нее светит, и полный месяц, а она перебирает пальчиками свой рукавчик шитый... Мы ухнули на нее – и не дослышала; а как с хохотом вбежали, испугалась, заплакала и сказала по-своему нам:

– Не трогайте вы меня!

Жалко мне ее тогда стало; я обнимаю ее, а она меня тихонько отталкивает.

На ту пору пришла барыня: «Кто смеет в спальне сидеть?» Пригрозила, накричала и узнала, что было. Досталось нам, а еще пуще Кате.

С тех пор мы и проходу ей не даем: все тем рукавом смеемся. Она молчит. Только после того не видали мы у ней рубашки. Не знаю, куда она ее дела; мы думали, не сожгла ли.

III

Прожила она у нас зиму. Учила ее ключница работам разным. Она слушалась, да толку-то что-то мало выходило – плохо понимала. Стала она что-то занемогать. Мы долго не примечали; а она все слабей, бессильней становилась. Уж не вырывается от нас, не борется с нами, а как схватим, то она только глаза закрое. А мы все-таки ее донимаем. Где же детям рассуждать?

Слегла Катя больна. Узнали мы, прибежали к ней. Лежала она в чуланчике под лестницею, и присматривала за ней ключница. Посмотришь на нее – словно восковая, прозрачная стала такая. Возьмешь за руку,пустишь, – рука падает. Когда б не глаза ее горящие, подумали бы: мертвая. Остались от прежней красы только брови черные, такие как шнурочек.

Мы молчим, и она молчит. Посидели так и ушли, и что-то нам скучно без Кати стало.

IV

Утихла непогода, перешли дожди весенние, потеплело, зазеленело, зацвело. Легче стало Кате немножко, и просится она у ключницы погулять. Выпросилась и прямо к тому курганчику, что могилою звала, прямо туда... А как она выздоровела, мы опять на нее напустились, опять ссориться с нею стали, насмехаться.

Мы и вздумали опять ее подстеречь да испугать; и как она пошла, мы другою дорогою туда же побежали. Курганчик тот густою зеленою травою зарос, да высокою такою! а тут кругом лес – дуб и береза. Вот мы ползком поближе подобралась, смотрим – лежит Катя, покачивается тихонько и какую-то песенку поет, да так тихо, так жалобно, словно слезы горькие выливает. Покачивается, будто в люльке, и поет:

Ой ти, коте, коточок,
Не йди рано в садочок...

Мы слушаем. Пела она и про голубку, и про пташку-зозулю, и про сестер, и про братьев. Пела – мы заслушались; стоим, как замороженные, а Катя все поет да поет. А как подошли мы к ней, голос ее замолк, испугалась, побледнела. Мы ее целовать стали и просим:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.